

«В главном — единство, в спорном — свобода, во всем — любовь»
Блаженный Августин

ИЗДАНИЕ НОВОСИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПРАВОСЛАВНАЯ СЕМЬЯ

выпуск 18

1/2011

ВЫПУСКАЕТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО ТИХОНА, АРХИЕПИСКОПА НОВОСИБИРСКОГО И БЕРДСКОГО.

Вместе с Русской православной церковью Рождество в ночь с 6 на 7 января встречают Иерусалимская, Сербская и Грузинская православная церкви, а также афонские монастыри, католики восточного обряда (в частности, Украинская греко-католическая церковь) и некоторые протестанты, живущие по Юлианскому календарю. Все остальные 11 Поместных Православных Церквей мира празднуют Рождество Христово, как и католики, в ночь с 24 на 25 декабря, так как они пользуются так называемым «Новоюлианским» календарем, который пока совпадает с Григорианским календарем, используемым католиками.

УКРАИНА

Празднование Рождества начинается на Свят вечер — 6 января. Вечерняя трапеза накануне Рождества сопровождается многими традициями и обрядами. Накануне Рождества церковь предписывала строгий пост — весь предрождественский день верующим нельзя было есть и пить. Ужин на Свят вечер был для них первой трапезой в этот день — им и заканчивался 40-дневный рождествен-

ский пост. За стол можно было садиться с появлением на небе первой звезды, в память о Вифлеемской звезде,озвестившей пастухам о рождении Христа.

Главными блюдами на украинский Святой вечер являются «кутя» — пшеничная или рисовая каша с медом, маком и изюмом, и «узвар» — компот из сухофруктов.

В первый день Рождества — 7 января, в гости почти не ходили. Только женатые дети (с невесткой или зятем) должны были посетить после обеда своих родителей, говорили, что везут «деду ужин». Издавна в Украине на Рождество колядовали — пели колядки. Колядки — величальные обрядовые песни зимнего цикла — популярны и в современной Украине.

БЕЛАРУССИЯ

В Беларуси православное Рождество отмечается как государственный праздник. Рождественский сочельник или Навечерие Рождества Христова отмечают 6 января. Название «сочельник» происходит от особой пищи, предписываемой на этот день церковным уставом — со-

чива: размоченных и разваренных зерен пшеницы или риса, чаще с медом, а также бобов, гороха и овощей.

Согласно традиции, ужин в сочельник щедрый, но постный, состоящий из 12 блюд в честь двенадцати апостолов. В этот день по приходу из храма после утреннего богослужения верующие воздерживаются от принятия пищи до появления на небе первой звезды, которая символизирует звезду, взошедшую над Вифлеемом в момент рождения Христа.

В ночь с 6 на 7 января в православных храмах совершаются рождественские богослужения. Традиционно с дохристианских времен в Беларуси 6–7 января — Первая Коляда — конец шестидневного поста, начало праздничных дней и вечеров. Этот праздник всем известен под названием «Большая кутья», который отмечался в честь зимнего солнцестояния (24 декабря по старому стилю).

Вторая кутья (Щедрая или Богатая Кутья) отмечалась через неделю в предвествие Нового года 31 декабря по старому стилю. Третья Кутья завершала праздники Коляды 6-го января по старому стилю.

АРМЕНИЯ

По древнему обычью армянская апостольская церковь отмечает Рождество на день раньше, чем православная — 6 января, в этот же день отмечают и Крещение Христово. Подготовка к Рождеству начинается вечером 5 января, когда служится Литургия Сочельника. В этот день верующие зажигают свечу в церкви и несут ее домой, для освещения дома и подготовки к празднику Рождества Христова. На следующий день, 6 января, утром служится Рождественская литургия. Далее осуществляют праздник крещения Христа с церемонией освящения воды.

Традиционно на Рождество в Армении на стол подаются рисовый плов с изюмом, рыба и красное вино

ГРУЗИЯ

На Рождество верующие совершают крестный ход «Алило» в соответствии с традицией, имеющей многовековую историю. Главными действующими лицами праздничного шествия являются «несущие благую весть». Они одеты в белые одежды и песнопениями оповещают всех прохожих о рождении Спасителя

СЕРБИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ

В Сербии и Черногории Рождественский сочельник, 6 января, называется «Баднидан». Среди религиозных праздников он занимает почетное второе место после Пасхи, а вот среди семейных праздников Рождество для сербов на первом месте. Рождество Христово в Черногории (так называемый Божич) — праздник родителей и детей.

В этот день до восхода солнца глава семьи и его старший сын выстрелом из ружья перед домом объявляют о походе в лес за «бадняком». Бадняк — это полено срубленного молодого дуба, которое должна обязательно иметь во время рождественских праздников в своем доме каждая сербская семья. Полено выбирается такого размера и веса, чтобы глава семьи сам, на своих плечах смог принести его в дом. По традиции, оно должно гореть в семейном очаге в течение всех трех дней праздника.

Оставшиеся в доме члены семьи на рассвете разжигают огонь и начинают жарить на вертеле специально откармливавшегося к Рождеству поросенка — «печеницу», женщины готовят рождественский пирог, торты и другие блюда.

В ночь перед Рождеством ужин должен быть постным. На рассвете звонят колокола храмов, люди надевают праздничную одежду и идут в церковь на Рождественскую литургию. После службы в дом берется просфора. Все приветствуют друг друга словами: «Христос родился!», а в ответ слышат: «Воистину родился!»

Журнал «Православная семья», издание Новосибирской епархии Русской православной церкви.

Подготовлен прихожанами прихода в честь иконы Божией Матери «Казанская» п. Краснообск. Издается на пожертвования. Журнал можно приобрести на Епархиальном складе и в лавках прихода во имя иконы Божией Матери «Казанская»: киоск по ул. Б. Богаткова, у дома № 208; киоск по ул. Геодезическая, 8 (НГТУ, ст. метро «Студенческая»); вестибюль ст. метро «Площадь Маркса» (выход на ул. Ватутина); в Сергиево-Казанском храме п. Краснообск (ост. «Торговый центр»).

Это приветствие соблюдается вплоть до праздника Богоявления (19 января).

Все члены семьи в ожидании рождественского обеда угощаются горячей ракией и сухими фруктами. Затем хозяин выносит на стол печеницу. Печеница должна принести в дом здоровье и благополучие. Из блюд к столу подаются квашеная капуста, тушенная капуста с копченым свиным мясом, пирог с каймаком, «пребранац» — вареная фасоль с растительным маслом и луком и т. д.

Кульминация празднования Рождества — преломление «погачи» — домашнего рождественского плоского пирога из пресного теста. Хозяйка утром замешивает тесто для пирога и кладет в него золотую или серебряную монетку.

Хозяин отрезает левую часть печеницы, достает из нее сердце и раздает его по кусочкам всем членам семьи, которые сразу его поедают. Перед началом обеда хозяин дома зажигает свечу, которая стоит на столе, или кадило и обносит ими иконы и всех присутствующих, а ребятишки обносят кадило по всему дому. Затем все поют праздничный тропарь или «Отче наш».

После приходит время разламывать погачу. Ее сначала вертят по кругу, затем делают надрез в виде креста и в полученный разрез наливают вино, только после этого она разламывается. Каждый получает по куску пирога, и тот, в чьем куске оказалась монетка, будет, как считается, счастлив целый год.

В городах, где нет открытых очагов, печей и бадняка, на рынках и на улицах продаются перед праздником небольшие «букеты» из дубовых веток, обвязанные пучком соломы.

Главный редактор: иерей Дионисий Михалев.

Редактор: Лютина Ю.В.

Редакционный совет: Тихобаев Ю.П., Чернакова Е.О., Каргополова Е.В.

Рецензент: протоиерей Виталий Бочкирев.

Тел.: (383) 348-53-70, 308-75-03.

E-mail: serg774@yandex.ru

Веб-сайт: family.orthodoxy.ru

Отпечатано в типографии «Талер-пресс». Тираж 500 экз.

ВЕЛИКИЙ УГОДНИК БОЖИЙ

Преподобный Серафим Саровский родился 19 июля 1754 года в г. Курске в благочестивой купеческой семье Исидора и Агафии Мошниных. Во святом Крещении был наречен Прохором, в честь святого Прохора, апостола от 70-ти (память 4 января и 10 августа). Исидор Мошнин брал подряды на строительство каменных зданий; под конец жизни начал постройку церкви во имя преподобного Сергия Радонежского в г. Курске, но скончался до окончания работ. Трех лет святой Прохор лишился отца, завещавшего своей супруге окончить строительство храма.

С младенчества святой Прохор был под особенным покровительством Промысла Божия. Однажды Агафия Мошнина взяла с собой сына на строительство храма и он, оступившись, упал с колокольни; но Господь сохранил жизнь будущего светильника Церкви: испуганная мать, спустившись вниз, нашла сына невредимым. Святой Прохор с детских лет любил посещать церковные службы и читать Священное Писание и Четы-Минеи, но больше всего любил он молиться в уединении. Еще в отрочестве святой Прохор решил посвятить свою жизнь служению Богу и уйти в монастырь. Мать благословила его на иноческий путь медным распятием, которое преподобный всю жизнь носил на груди.

Незадолго до того святой Прохор с паломниками отправился пешком из Курска в Киев на поклонение Печерским угодникам. Схимонах старец Досифей, которого посетил святой Прохор, благословил его идти в Саровскую пустынь и спасаться там. Вернувшись ненадолго в родительский дом, святой Прохор на всегда простился с матерью и родными. 20 ноября 1778 года он пришел в Саров, где настоятелем был мудрый старец отец Пахомий. Определив юношу в послушники, он назначил ему в духовники старца Иосифа. Под руководством старца святой Прохор проходил многие монастырские послушания: был келейником, трудился в хлебне, просфорне и столярне, нес обя-

занности пономаря, и все исполнял с ревностью и усердием. Постоянной работой он ограждал себя от скуки — этого, как позже он говорил, «опаснейшего искушения для новоначальных иноков, которое врачается молитвой, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением Слова Божия и терпением, потому что рождается оно от малодушия, беспечности и празднословия».

Пробыв восемь лет послушником в Саровской обители, он принял иноческий постриг с именем Серафим (евр. — пламенный), столь удачно выражавшим его подлинно пламенную любовь к Богу и стремление ревностно Ему служить. Через год преподобный Серафим Саровский был посвящен в сан иеродиакона. Горя духом, он ежедневно служил в храме. Господь сподобил преподобного благодатных видений: неоднократно он видел святых Ангелов, сослужащих братии. Особенного благодатного видения преподобный сподобился во время Божественной Литургии в Великий Четверг, которую совершали настоятель отец Пахомий и старец Иосиф. Когда после пения тропарей преподобный произнес: «Господи, спаси благочестивя», — и, стоя в царских вратах, навел орарь на молящихся с возгласом «и во веки веков», внезапно его осенил светлый луч. Подняв глаза, преподобный Серафим Саровский увидел Господа Иисуса Христа, идущего по воздуху от западных дверей храма, в окружении Небесных Бесплотных Сил. Дойдя до амвона, Господь благословил всех молящихся и вступил в местный образ справа от царских врат. Преподобный Серафим Саровский в духовном восторге не мог ни слова проговорить, ни сойти с места. Его увели под руки в алтарь, где он простоял еще три часа, меняясь в лице от озарившей его великой благодати.

После видения преподобный усилил подвиги: днем он трудился в обители, а ночи проводил в молитве в лесной пустынной келии. Спустя недолгое время Серафим Саровский усугубил труды, взяв на себя подвиг столпничества. Каждую ночь он

поднимался на огромный камень в лесу и молился с воздетыми руками, взывая; «Боже, милостив буди мне грешному». Днем же он молился в келии на другом камне, который принес из леса. Так молился преподобный 1000 дней и ночей. Диавол, посрамленный преподобным, задумал умертвить его и наслал разбойников. У преподобного, работавшего на огороде, был в руках топор, но он не стал обороняться, вспомнив слова Господа: «Взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26, 52). Разбойники нещадно били преподобного, проломили ему голову, сломали несколько ребер. Всё сокрушив в келии и ничего не найдя в ней, кроме иконы и нескольких картофелин, они устыдились своего злодеяния и ушли. Преподобный, прийдя в сознание, дополз до келии и, мучительно страдая, пролежал всю ночь. Наутро с великим трудом он добрел до обители. Братия ужаснулась, увидев израненного подвижника. Восемь суток пролежал преподобный, страдая от ран. Царица Небесная явилась ему в тонком сне с апостолами Петром и Иоанном. Коснувшись головы преподобного, Пресвятая Дева даровала ему исцеление. После этого преподобный Серафим Саровский провел около пяти месяцев в обители, а затем вновь ушел в пустынную келью. Оставшись согбенным, преподобный ходил, опираясь на посох или топорик, однако своих обидчиков простили и просил не наказывать. После смерти настоятеля отца Исаии, бывшего с юности преподобного его другом, он взял на себя подвиг молчальничества. Если святым в лесу встречался человек, он падал ниц и не вставал, пока прохожий не удалялся. В таком безмолвии старец провел около трех лет, перестав посещать обитель в воскресные дни. От длительных стояний на камне сильно болели ноги, преодолеть путь от пустыньки до обители он не мог.

Плодом великого подвижничества явилось для преподобного стяжение мира души и радости о Святом Духе. Преподобный Серафим Саровский впоследствии говорил одному из монахов монастыря: «...радость моя, молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысячи душ спасутся около тебя». Новый настоятель отец Нифонт предложил отцу Серафиму Саровскому или по-прежнему приходить в монастырь по воскресеньям для участия в Богослужении, или вернуться в обитель. Весной 1810 года он возвратился в обитель после пятнадцатилетнего пребывания в пустыни. Не прерывая молчания, он к этому подвигу прибавил еще и затвор и, никуда не выходя и никого у себя не принимая, непрестанно находился в мо-

литве и Богомыслии. В затворе преподобный Серафим Саровский сподобился от Бога особых благодатных даров — прозорливости и чудотворения. 25 ноября 1825 года Матерь Божия вместе с празднующими в этот день двумя святителями — Климентом Римским и Петром Александрийским — явилась в сонном видении старцу и повелела ему выйти из затвора. С этого дня начался новый подвиг преподобного — подвиг гласного служения людям. Ежедневно сотни людей со всей России шли и ехали в Саровскую обитель, чтобы только увидеть старца, услышать его необыкновенное: «Радость моя!».

Важнейшим делом старца было устройство Дивеевской обители. Четвёртым уделом Пресвятой Богородицы стал небольшой женский монастырь, когда отец Серафим стал его опекать, создав при нём особую девичью обитель. По сей день идут люди по Канавке, которой повелел старец оградить монастырь, читают Богородичное правило и верят, что по молитвам святого старца Богородица не оставит их.

Все знали и чтили преподобного Серафима Саровского как великого подвижника и чудотворца. С 1831 года преподобный многим предвозвещал о предстоящем голодае, и по его совету в

Саровской обители сделали запас хлеба на шесть лет, вследствие чего спаслись от голода. За год и девять месяцев до своей кончины, в праздник Благовещения, преподобный Серафим Саровский еще раз сподобился явления Царицы Небесной в сопровождении Крестителя Господня Иоанна, апостола Иоанна Богослова и двенадцати дев, святых мучениц и преподобных. Пресвятая Дева долго беседовала с преподобным, поручая ему дивеевских сестер. Закончив беседу, Она сказала ему: «Скоро, любимче Мой, будешь с нами...». Во второй день нового, 1833 года, келейник отца Серафима почувствовал запах гари из его кельи. Отворили дверь и увидели старца на коленях, с молитвенно сложенными на груди руками. Перед мёртвым преподобным, на столе — его любимый образ Божией Матери Умиление. Тысячи людей восемь дней шли в Саровскую пустынь, чтобы отдать великому угоднику Божию последний поклон. Миллионы православных обращаются к нему с молитвой, и никто не остаётся неутешенным. Преподобный отче Серафиме, моли Бога о нас!

Память совершается 2 (15) января, 19 (1) июля (августа).

ПОДАРОК ВОЛХВА

И етёт за окном белая метель. За-
ывает, все дорожки засыпает.
Наметёт к утру сугробы, в школу
опять будет не пройти. А дома уютно,
тепло. Старый кот свернулся клубочком
посреди комнаты. Спит вроде бы, а сам
нет-нет, да и сверкнёт хитрым глазом
на бабушкин клубок. Бабушка сидит в
своём любимом кресле. Рядом на сто-
лике — лампа с жёлтым абажуром. В
её солнечном свете милое, доброе лицо
кажется похожим на лиц с иконы. В руках
у бабушки проворные спицы:

— Довяжу нынче носочки, вну-
чек, — приговаривает она, — завтра
в школу тепло идти будет. Не ровён час,
простынешь, а скоро праздник. Как же
болеть? Нельзя...

— Бабушка, а расскажи про праз-
ник, — просит внук.

— Да что же я тебе, старая, расскажу?
Ты уж куда больше моего знаешь. Вон, как
мне вчера рассказал про угодника святого
Николая. Я и половины не знала, а вас ба-
тушка в воскресной школе учит.

— А ты всё равно больше знаешь.
И слушать тебя так интересно. Расска-
жи мне про Рождество, — не отступа-
ет внук.

— Расскажу, мой хороший, расскажу. Бери вот листок белый, да карандаши. Я рассказывать стану, а ты рисуй. Хорошие у тебя рисунки выходят.

Внучок подсаживается рядом, кладёт на стол чистый лист бумаги. Листок, как снежное поле. Какие следы лягут на него?

— Дом у нас небольшой был, но ладный. Отец мой со своим батюшкой сам строил, когда ещё жениться собирались. Прямо в центре села стоял, на взгорке. Возле дома, прямо под окном, скамейка удобная стояла, со спинкой и навес над ней. В любую метель обязательно отец расчищал дорожку к этой скамейке, и саму её от снега чисто обметённой всегда держали. Это чтобы любой путник мог остановиться передохнуть. Не было дня, чтобы не присел на нашу скамейку кто-нибудь из дорожных людей. В те времена часто люди подолгу пешком шли. Кто на дальние заработки, кто домой, были и те, кого нужда гнала. Редко, но попадались и Христовы странники, богомольцы. Матушка таким людям всегда старалась хоть какой кусочек, но дать. И вот какое дело — и сами-то жили небогато, а всегда для добрых людей угощение находилось, и в доме после того какой-нибудь прибыток появлялся.

Наш дедушка, старенький уже тогда был, много разных историй знал. Смолоду, говорил, жил он при монастыре, учился там. Потом уже в мир ушел, а веру крепко хранил. Любили мы, дети, когда под Рождество он нам про волхвов рассказывал. Как сейчас его негромкий голос слышу: «Идут за яркой звездой три добрых человека. Один — старец с длинною белой бородой. Несёт он на груди в вышитом мешочке дивной красоты золотое кольцо. Только великий царь достоин надеть такое кольцо. Царь царей родился, старец точно знает об этом. Звёзды сказали ему. Он спешит. Он очень стар. Надо успеть передать Царю драгоценный дар. Другой — чернобородый, черноглазый, со смуглой кожей. Далеко в пустыне получил он от древнего пророка горсть благоуханного ладана. Такой ладан достоин только истинного Бога, который будет так велик, что вся вселенная повинуется одному движению Его ладони, и так мал, что слабая женщина легко удержит Его на руках. Яркая звезда против всех законов движения небесных светил сошла со своего места, чтобы указать ему путь к Богу. Он должен передать

Ему этот дар. Третий — молодой юноша. Он не мудрец, простой пастух, но у него чистая, как белый снег, душа. Он увидел ангела с сияющими белыми крыльями. Ангел передал ему смирну с удивительным ароматом, которого нет на земле. Ты должен отнести это Тому, кто любит весь мир, как самый добрый Отец. Юноша долго странствовал по свету, пока не встретил двух звездочётов-мудрецов. Он пошёл с ними, ведомый звездой». Дедушка говорил, что с тех давних пор каждый год эти люди под Рождество спускаются с небес и ходят по земле. Иногда их можно увидеть. И тогда они принесут человеку необыкновенные дары прямо из Царства Небесного. Я тоже мечтала когда-нибудь увидеть их. Мне не нужны были чудесные дары, я просто хотела посмотреть на тех, кто принёс подарки маленькому Сыну Божьему. Я всё мечтала спросить — какой он был, маленький? Какой Божия Матерь была? Какие звери с ними в пещере были? Но не приходили южные мудрецы в наши зимние края. И то сказать, по таким снегам не просто пробраться.

В одну зиму, а было мне тогда, как тебе, лет десять, сильно я заболела. И как раз незадолго до Рождества. Сквозь тягостный жар я слышала, как мама и сёстры чистили в доме к празднику, стирали, гладили тяжёлым утюгом. А я даже есть не могла, только воду пила несколько дней. Дедушка готовил травяные отвары. Они пахли, как трава на летнем лугу. Поил меня с ложечки. В самый сочельник, утром, жар прошел. Я села на постели. Матушка руками замахала — лежи, дитяtko, ешё не оклемалась. И верно, даже на ноги встать я не смогла, как тонкую тростинку ветром шатало. Но и без дела лежать, когда у всех заботы, невмоготу было. Выпросила я у матери клубок да спицы, подушку повыше положила и пристроилась носочки вязать. Всё при деле. Мать посмотрела-посмотрела, да и принесла мне пуховых ниток. Вяжи, говорит, доченька, самые тёплые носочки. Наденешь их и больше не простудишься. И так мне эти ниточки к сердцу пришли! Не заметила, как уж вечер наступил. Вышла первая звезда. Все семейные за стол сели, чинно в тишине коливо вкушать. Знаешь, что это такое?

— Знаю, бабушка. Ты же сама перед Рождеством готовила!

— Готовила, только в детстве-то моём оно другим было. Пшеничные зёр-

на для него, лучшие, отборные, с осени складывали в особый мешочек. В вечер перед Сочельником в особом горшочке из белой глины запаривала матушка эти зёрна. Наутро мёдом душистым заливали разные сухие ягоды прибавляли. Ох, и духовито получалось! Летом, жарким покосным лугом пахло то коливо, как будто и не завывала выюга за окном. Мне матушка в постель чашку принесла. Потом все стали на службу собираться. У нас-то в селе храм тогда закрыли, а один старенький батюшка по домам тайно службы вёл. В ту ночь самый большой дом на селе выбрали. Итико шли к нему люди. Не дай Бог, кто из властей узнает — накажут и людей, а больше того — батюшку. Его мы всем миром берегли. Время тогда такое было... А мы, ребятишки, тогда не всё понимали, а только радовались. Как же, Рождество пришло!

Ушли наши-то, а матушка рядом со мной положила на белой тарелочке ножку да крылышко куриные. И наказала — как стрелки часов за полночь перейдут, можно и покушать. Остались дома я да кошка на печи. Тихо. За окном снег летит, крупно так. Лавочка наша мне из окна видна была. Смотрю — вроде присел кто-то. Кому бы в такую пору быть? Похоже, старик какой-то, борода белая видна. По заведённому обычаю, надо угостить странника, да как это сделать, если ноги у меня еще не ходят? Однако же попробовала я встать. Получилось! Потихоньку, где за стенку, где за лавку придерживаясь, добрела я до двери. Угощение держу — ту курочку, что мать оставила. Праздник же

великий! Кое-как платок материнский, большущий, накинула, да вышла на крыльцо. И вот диво — снег идёт, а на небе, прямо над головой, яркая звезда так и светится.

Добрела я до скамеек, поклонилась путнику:

— С Рождеством Христовым, дедушка! Угостишь, ради светлого праздничка, — и протягиваю ему тарелочку.

Повернулся он ко мне. По облику на наших людей не похож. Борода как снег белая-белая и длинная, до пояса. Лицом смугл, как мы летом, когда на солнышке побудем. Глаза чёрные, зрачков не видно, а смотрят хорошо, добро. И одежда на нём — не для наших зим. Какая-то накидка тканная, под ней длинная рубаха. Холодно ему, должно быть.

— Пойдём в дом, дедушка, — позвала я, — погреешься.

Зашли мы. Он на святые иконы первым делом перекрестился, поклонился низко. Усадила я гостя за стол, подаю еду. А сама во все глаза на него смотрю. Поел он, поклонился опять на иконы, а потом мне, девочке, поклон отвесил. Растрепялась я. А странник на скамью у дверей присел и тихо заговорил:

— Был я в дальней стороне. Та земля не похожа на здешнюю. Не ложится на неё снег, не дуют метели. Народ там не знает тёплых одежд. Но однажды давно-давно выпала и в тех краях холодная зима. Ветер гнал по дороге пыль и сухие листья. Люди спешили укрыться в домах и развести огонь в очаге. По пустынной дороге шли двое — старики с седой бородой и юная девушка. У них

не было дома в этих краях. Никто не дал им ночлега. Холодные звёзды светили с тёмных небес.

— Смотри, пещера, — сказал старики своей спутнице, — сюда пастухи загоняют скот в непогоду. Это не самое плохое место, чтобы переждать холодную ночь. Я разведу костёр. Тебе надо поесть и отдохнуть.

Девушка молча кивнула головой. Они вошли. Пещера была пуста. Возле каменного очага лежали дрова. Вскоре пламя весело заплясало по стенам. И вдруг пещеру наполнил иной свет. Яркий как молния, тёплый как луч полуденного солнца.

— Боже, благодарю Тебя! Исполнилось по слову Твоему! — в торжественной тишине зазвучали слова горячей молитвы.

— Как прекрасен Ты, Сын Божий. Мой Сын! — тихо говорила девушка, склонившись над каменными ялями, из которых кормили скот. Там на охапке золотистой соломы лежал младенец, совсем крохотный, только что родившийся. Он был светел, как чистый снег, который освещает солнце. Его глаза смотрели так внимательно, как будто видели гораздо больше, чем темные стены пещеры, что были вокруг. Была в этих глазах полная любовь, такая, какой мир ещё не знал, и глубокая печаль, как будто это был не малыш, а старец. Его юная мать стояла перед ялями на коленях. Лицо её было белым, как молоко, глаза похожи на весеннее небо, узкие брови черны, как крыло ворона. Тонкие, ласковые руки заботливо поправляли пелены. Старики подкинули дров в очаг и смотрел на мать и дитя с грустной нежностью. Мальчик-пастушок робко приблизился к ялям:

— Ему, должно быть, холодно. Вот, возьми это, — он протянул матери теплое овечье покрывало, которое грело его холодными ночами.

Маленький ягнёнок с курчавой белой шёрсткой осторожно дотронул прохладным носом до детской ножки. Младенец улыбнулся ему. Большая корова, сдерживая шумное дыхание, вытянувшись, смотрела на Него огромными добрыми глазами. Шумные овцы притихли. Пастуший пёс, большой, лохматый, тихонько лизнул Младенца. Он протянул маленькую ручку и дотронулся до пса. Старый пастух тихонько пододвинул нехитрую еду матери:

— Поешь, милая. Ты должна вырастить Его. Тебе нужны силы.

Всё в пещере дышало простой, настоящей любовью. Такой, которая рождается не в словах, не в громких обещаниях, а в тишине. Я и два моих спутника не отрывали взгляда от каменных яляй.

— Спасибо, вам, добрые люди, спасибо, Божии твари, — голос матери звучал так ласково, — вы обогрели нас теплом своих любящих сердец. Знайте же, что тот, кто обогреет любого человека, никогда не будет забыт в Царстве Сына моего.

Наутро мы покинули пещеру и разошлись по разным странам. С тех давних пор мы ходим по свету и рассказываем людям о чудесном Младенце и Его матери. Мы заглядываем в разные дома — и бедные, и богатые. Часто мы находим людей, которым холодно. Тогда мы просим других людей помочь им. Так люди несут любовь, которую мы получили в той тёмной пещере, дальше, по всему свету. Ведь чем больше ты отдаёшь любви другому, тем больше получаешь её сам.

Я слушала чудесного старика, затаив дыхание. Я точно знала — исполнилось моё заветное желание. Один из волхвов, о котором дедушка рассказывал, пришёл ко мне в эту ночь! Старики неторопливо поднялся, вновь поклонился мне. Поклонилась и я ему. Набралась смелости и тихонько спросила:

— Дедушка, а сегодня Вы тоже видели бедных, которым холодно в эту ночь?

— Да, девочка. Видел маленькую девочку в дырявых валенках, — старики серьёзно посмотрел на меня.

— Тогда — вот! — я протянула только что связанные носки, — они тёплые, пуховые! Отдай ей, дедушка!

— Спаси тебя Боже, дитя! А это — тебе, — старики вынули из-за пазухи и поставил к вертепу, что отец каждый год делал к Рождеству, маленькую деревянную игрушку, ягнёнка, — а мне пора!

Я за ним вышла на крыльцо, чтобы проводить дорогого гостя. Он махнул рукой и шагнул прямо в снег. К нему ещё двое подошли. Один — мужчина статный, с чёрной бородой, другой — высокий, молоденький. Махнули они мне руками, все трое, на прощание, и пошли по дороге. Только шли чудно — как будто и не по снегу, а поверх него. Всё выше и выше уходили они.

Вернулась я в дом, к вертепу подошла. Беру ягнёночка в руки, такой он хорошенёкий, как живой. И теплый, не как простая деревяшка. Прилегла я на постель, да не заметила, как уснула. Приснулась, когда уже наши домой пришли. Разговелись все, как всегда на Рождество, а потом отец подарки раздавать стал. Мне колечко протягивает, а сам говорит:

— Я будто попроще кольцо-то покупал, серебряное, с бирюзой. А это какое-то чудное, с камушком ярким.

Дедушка тоже подошел, глянул, и говорит:

— Да, это не простое кольцо, старинное. Цены ему нет.

Тут и рассказала я про ночного гостя. Подивились все. А батюшка строго так сказал:

— Ты, Марьюшка, великой чести удостоилась, так и неси её, не оброни, не замарай!

Много годов с той поры прошло. Много чего в жизни было, и доброго, и горького. А только чудесный дар старого волхва всех нас не раз от беды спасал.

— Как это, бабушка? — спрашивает внук.

— А так. Было дело, война ещё шла, сильно заболел младший братик мой Николенька. Нужно было лекарство дорогое, еду хорошую. И надумала я пойти в город да продать там кольцо. Помнила, как дедушка говорил, что цены ему нет. Пришла, зашла в самый большой магазин, выбрала человека важного и ему показываю: не купите ли? Тот кольцо повертел и сразу за кашелёк. Много денег мне дал, я всё купила, да быстрей домой. На третий день братик начал вставать, а к весне и вовсе поправился. Вспоминала я иной раз про то колечко, но никогда не жалела о нём. Братик здоров, и ладно. Года три с той поры прошло, я в город учиться поехала, уж отец с войны пришёл. Иду по городу, а ко мне человек какой-то кинулся и в руку что-то сунёт. Забери, говорит, твоё это. И убежал. Разжала ладонь, а в ней — колечко моё. И ещё было — подкатывала сильная нужда, когда отца на работе покалечило. Вновь продавать пришлось то кольцо, и опять оно ко мне вернулось, лет через пять уже только.

— А где оно сейчас, бабушка? — спрашивает внук.

— Уже мама твоя народилась, и дядя твой Иван ходить учился, когда

однажды под самое Рождество постучалась к нам женщина. В чёрной одежде, лицо добре, усталое только. Угостили мы её, чем Бог послал, она и рассказала, что монахиня, что монастырь их сильно от пожара пострадал, и если не найдут денег, чтобы починить порушенное, то обитель Божиу закроют. Протянула я ей своё кольцо. Поклонилась она, как тот старик в давние годы, обещала, что весь наш род в молитве поминать будут вечно. Через год пришло письмо, что храм погоревший отстроили, лучше нового стал. Больше уже не возвращалось кольцо. Видно, в доброе место пристроили. А ягнёночек, вот он.

Бабушка встала с кресла и бережно взяла в руки красивую фигурку, что стояла возле вертепа.

— Сберегли мы его. Глядишь, и твой внучок ему еще порадуется. Ну вот, и носочки готовы. Примеряй-ка! Можно и на лыжах, как ты собирался.

Мальчик погладил пушистую белую шерсть. Задумался, держа в руках бабушкин подарок. Наклонился к добруму бабушкиному лицу и тихо попросил:

— Бабушка, а можно я пока в старых похожу, они же ещё крепкие, ты только пяточки заштопала. Ты знаешь, у Даши, что по соседству живёт, нет тёплых валенок. И носки ей никто не связывает. Они с мамой вдвоём живут, мама работает много. Они бедно живут, бабушка. Можно я ей эти носочки подарю?

— Неси, внучек, неси подарочек Даше. Да погоди, вот ещё им с мамой гостинчик.

Бабушка завернула в полотенце пышный пирог, насыпала в пакет конфет и яблок. Внук побежал по тропинке к соседнему дому. На столе остался листок и карандаши. На листке был нарисован старик с длинной седой бородой до пояса, в раздувающей ветром накидке, с мудрыми добрыми глазами.

Елена Чернакова

Рождественский снегирь

Какое замечательное время — каникулы! Можно выспаться утром, и никто не будет тебя толкать и говорить: «Уже половина восьмого!», — как будто от этого произойдёт вселенская катастрофа. Впереди восхитительный длинный день, когда можно делать то, что откладывалось, пока была учёба. Можно почитать не по школьной программе, а просто так, можно на компьютере поиграть, можно выбежать на улицу в больших валенках и измерить все сугробы! Именно этим важным делом и решили сутра заняться два друга — Сашка и Гришка. Сколько себя помнили мальчишки, столько они и дружили. Квартиры по соседству, через стенку. Утром проснулись — первым делом друг другу условным стуком постучали. Вместе в школу, вместе из школы. Вместе на каток, вместе на горку. Даже дачи у их родителей рядом были. Поэтому и летом друзья почти не расставались. Была единственная разница: каждое воскресенье Гриша с матерью ходил в большой храм, прямо напротив их дома. А Саша воскресное утро просыпал, подымаясь с постели, когда Гришка уже шёл домой. Но их дружбе это не мешало.

— Пойдём на пустырь! — предложил другу Саша, — там ребята будут.

— Пошли, — согласился Гриша, — только мне к обеду домой надо будет, мама просила помочь. И в храм вчера, служба длинная, на всю ночь. Надо бы отдохнуть, а то стоять тяжело будет.

— Подумаешь, я вон на новый год тоже всю ночь не спал, и ничего. Такое по телевизору видел! — Сашка даже присвистнул, — а в храме твоём всё одно и тоже.

— Откуда ты знаешь, — возмутился Гриша, — ты же не был на службе никогда!

— Мне папка говорил, — Саша пнул снежный комок, и он рассыпался мелкими брызгами, — а он всё знает. Он говорит — церковь не для современного делового человека.

— А мой отец говорил, что без храма никакое дело не сложится, — возразил Гриша.

— Твой отец с вами же не живёт, — уверенно сказал Саша.

— Ты что! Он денег уехал заработать, для нас с мамой. Далеко, на север. Он говорит, что настоящий мужчина должен семью обеспечить, а то у нас квартира маленькая совсем и машина тоже нужна. Мы были у него с мамой прошлым летом, — Гриша помолчал не-

множко, потом тихо сказал, — я домой пойду, Саш.

— Ты что, обиделся? — забеспокоился друг, — ты не думай, я не хотел... Какой-то разговор вышел глупый. Пойдём, а?

Гриша покачал головой и медленно побрёл прямо по снегу. На душе кошки скреблись. Первый раз в жизни друг обидел его. Вот бы папа приехал! Тогда бы Гришка понял, что такое настоящий мужчина! Не приедет папа. На днях пришло письмо. Отец писал, что им не заплатили всех денег, и он задержится ещё на пару месяцев. Возле старой берёзы на белом снегу сидели снегири. Они были похожи на красные яблоки. Гриша остановился, залюбовался птицами. Папа тоже снегирей очень любит. Всегда говорил: «Увидишь этих птичек — и желание сбудется!»

Гриша крепко зажмурил глаза и прошептал: «Птички, летите к моему папе, передайте ему, чтобы он приезжал к нам, скорее! Пусть лучше будет меньше денег, но папа рядом!».

Гриша открыл глаза. Снегирей не было. Он побежал домой.

— Нагулялся, сынок? — ласково спросила мама, — помоги-ка мне.

Вдвоём они быстро повесили шторы, Гриша вытряхнул ковёр. Мама занялась праздничным угощением, а Гриша прилёг на диван с книжкой. Вскоре глаза его стали закрываться, книга выпала из рук.

Гриша увидел снежную равнину. У неё, казалось, не было ни конца, ни начала, такой огромной она была. Кое-где торчали из-под снега скрюченные кустики, да ещё одна кряжистая берёза с широкими ветками. Возле берёзы стояли два человека. Один из них был незнаком Грише, зато другой... Крепкая фигура, голубые глаза на смуглолатом лице, шапка, лихо сдвинутая на затылок. Папа!

— Посмотри, — сказал отец своему собеседнику, — снегири прилетели. Третью зиму здесь, а ни разу их не видел. Люблю этих птиц. Детство они мне напоминают. Старенькая бабушка мне рассказывала, что к тому, кто этих птиц видит, да если ещё и накормит их, большое счастье в жизни придёт. Я вот и жду всё этого счастья. Клюйте, птахи!

Он вынул из кармана горсть ярко-красных ягод мёрзлой клюквы. Снегири налетели на угощение. Отец и его собеседник молча смотрели на птиц.

— Надо домой, — задумчиво сказал отец, — там Гришка, Ольенька. За мной эти снегири прилетели. День-то сегодня какой! Сочельник. Христос родится. Домой надо!

Человек задумчиво посмотрел на отца, а потом решительно сказал:

— Пошли в контору! Подумаем.

— Гриш, Гриша, — услышал Гришка сквозь сон, — вставай, сынок, звезда уже взошла. Ты ж голодный!

— Мам, а я папу видел, только что. Он к нам собирается, — уверенно сказал Гриша.

— Нет, он же написал, что отъезд пришлось перенести, — грустно сказала мать, — это только сон, Гриша.

— Нет, не только! Вот увидишь! — горячо заверил маму сын, — я снегириам сегодня сказал, чтобы они к папе летели с веточкой. Они правда полетели туда, мама.

Мама велела сыну мыть руки и бежать к столу. Гришка огорчённо вздохнул. Не верят эти взрослые в чудеса, а ведь давно известно, что на Рождество чудо — самое обычное дело.

— Мам, пойдём уже в храм, — попросил Гриша, как только душистое коливо было съедено.

— Рано ещё, сынок. Часа через два только зазвонят. Устанешь, вся ночь впереди.

— Не устану, я на Рождество никогда не устаю. Пойдём, я отцу Василию помогу!

— Ну, что же, пойдём, — согласилась мама, — и мне там дело найдётся.

Гриша помогал отцу Василию, пожилому дьякону с чёрной бородой,правлять лампадки. Они давно дружили. Ему мальчик по секрету рассказал про посланцев-снегирей.

— Как думаешь, отец Василий, долетят они? Скажут папе? — спрашивал Гриша, забравшись на высокую стремянку перед самой большой иконой.

— Да они, я думаю, уже и долетели, — уверенно сказал отец дьякон, — вернётся папка твой на святах, вот увидишь.

От этих слов Грише стало так тепло, как будто не студёный январь был за окном, а жаркое лето. Настоятель отец Андрей позвал в алтарь. Совсем Гришке радостно стало. Служба праздничная, торжественная, как один миг пролетела. Уже смолкли праздничные колокола, когда они с мамой вышли на улицу.

— Мама, смотри! — закричал Гриша.

Возле старой берёзы, что росла прямо возле паперти, сидели на снегу три снегирия. В свете большого прожектора, освещавшего храм, хорошо были видны яркие грудки. Снегири посмотрели на Гришу, потом разом вспорхнули и пропали в ночном тёмном небе.

— Не привиделось ли? — недоуменно сказала мать.

— Нет, — уверенно ответил Гриша, — они нам сказать прилетели, что папа скоро будет с нами. Навсегда!

Днём был весёлый праздник в воскресной школе. Для Гриши — двойной праздник. Лучший друг Сашка пришел. Вместе со всеми аплодировал малышам, которые играли сценку, и даже подпевал песенку про Деда Мороза. Друзья успели ещё покататься на горке, и только когда совсем стемнело, разошлись по домам.

— Шёл бы ты спать, сынок, — предложила мама, — сейчас с кресла упадёшь. Почти всю ночь не спали!

Гриша и впрямь почувствовал, как сон одолевает. Едва добрёл до кровати и как будто провалился в мягкую вату. Ночью он неожиданно проснулся. Какие-то голоса... Может, показалось? Нет, не показалось, точно! Гриша распахнул дверь на кухню и услышал весёлый мамин голос:

— Нет, еще троих. По одному на комнату! Одного мальчика и двух девочек!

— С Рождеством, сынок! — отец подхватил сына на руки, — я вернулся! Завтра пойдём новую квартиру смотреть! Ох, и заживём мы теперь, все вместе!

— Пап, а снегири видел? — спросил Гриша, устраиваясь на отцовских коленях.

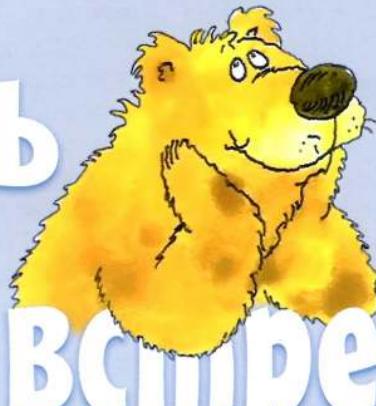
— Видел, сынок. Они меня домой и позвали.

Гриша уткнулся в небритую щёку. Он изо всех сил вдыхал родной запах. Мой папа! Самый лучший, самый добрый, самый-самый!

— Увидал Петрович тех снегирий, — продолжал отец рассказ, — и как будто подменили человека. Рассчитал нас честь по чести, а потом прибежал летчик и говорит — двоих ещё вертолёт возьмёт. Петрович меня и отправил. А там, в аэропорту, как по заказу, билет кто-то сдал, прямо в наш город. И вот что удивительно: везде я этих снегирий видел. Последний раз они мелькнули, когда к дому подъехал. Чудо! Да оно и должно было быть, чудо. Рождество нынче. Рождество!

Елена Чернакова

Как медведь Рождество встречал

Стояла на лесной полянке красивая ель. Большущий сугроб под ней настало. А под сугробом — медвежья берлога. Спал в ней крепким сном большой медведь. Все медведи зимой спят. Видят они во сне жаркое лето, спелые ягоды да зелёные деревья. Не знают медведи снега и холодной зимы никогда не видели.

Прилетели к ёлочке шустрые воробы. Зачирикали громко:

— Мы в городе были, большую ёлку на площади видели. На макушке — звезда, на ветках — игрушки разные. Рождество, люди говорят, наступает. Поэтому и ёлочку нарядили.

Прискакали рыжие белки. Прибежали беленькие зайцы. Всем интересно послушать.

— Давайте и мы нашу ель украсим! — предложили лесные звери.

И принялись искать, во что бы нарядить ёлочку. Белки натащили шишек, еловых да сосновых.

— Нет, — говорят воробы, — на ёлочке и своих шишек хватает. Надо других, блестящих да нарядных.

Принуяли звери. Где же в лесу такое найдёшь? Подумали белочки, между собой переглянулись. Нырнула одна в снег — гриб сухой достала. Нырнула другая — гроздь красных ягод. Нацепили на ёлку — красиво! Заяц прискакал, в лапах сосульку держит. И её тоже пристроили на веточке. Ещё лучше получилось. Принесли ещё сосулек-ледяной. Сверкают они на солнышке, как настоящие игрушки.

Прилетела сорока, села на веточке, головой повертела. Потом вспорхнула и полетела куда-то. Летит лесная болтушка обратно, а в клюве настоящую звезду таслит!

— Вот вам всем подарочек, — сказала сорока, а звезду на макушку ели надела, — прошлой зимой подобрала на дальней полянке. Красота!

И пошло веселье. Зайцы пляшут, белки скачут. Синицы поют, воробы подпевают. Мышки вокруг ёлочки хоровод водят. Большой лось из лесу пришёл, и тоже в пляс пустился. Так расшумелся лесной народец, что разбудил мишку, что под елкой спал.

Вылез медведь из берлоги. Смотрит — что такое? Кругом бело, стоит ёлка наряженная, полным-полно лесных зверей вокруг. И все радуются.

— Что за шум? — рявкнул медведь, — почему мне, косолапому, спать не дают?

— Не кричи, мишенка, не шуми, — говорит ему с ветки сорока, — нынче день особый.

— Да, — протяжно сказал большой лось, — сегодня ночью родится Христос, Спаситель мира. Так говорит старый лесничий. Он очень мудрый и добрый.

— Рождество, Рождество, — подхватили белки и зайцы, — самый добрый праздник. Мы вам подарки принесли, ради праздника.

Угостили белки всех орехами, да сушеными грибами, зайцы коры да сухой травки принесли. Синички звонкую песенку спели, большой лось на широкой спине малышей покатал.

Сидит медведь под нарядной елью, радуется со всеми празднику. Потом нырнул он в свою берлогу, а оттуда целую кадушку меда вытащил. Угощайся, лесной народец!

Все мишенки «спасибо» сказали. Высыпали на небе звёзды. Пришла Рождественская ночь на землю. Разбежались звери по норкам, птицы — по гнёздышкам, когда полночь миновала. Встретили Рождество. Остались на полянке медведь да ёлочка. Посмотрел мишку на ёлку — красота! Как хорошо, что его сегодня разбудили! Обошел полянку, белый снег понюхал, да и к себе в берлогу забрался. Спать. Теперь уж до весны! Потому что медведю зимой спать положено.

Елена Чернакова

Малышам

Ёлку мы в лесу нарядим.
В хоровод весёлый
Приглашаем птиц, зверей:
Зайцы, мыши, совы!
Все, кто спать не лёг зимой,
Пусть бегут на пир лесной.
Наступило Рождество —
Всему миру праздник!
Бойко семечки клюёт
Воробей-проказник.
А для белочки — орех,
Зайчикам — морковку.
Рыжей лисоньке — пирог.
Не балуй, плутовка!
В это день не делай зла,
В день святого Рождества
Все друг друга любим,
Скориться не будем!

Месяц заглянул в окошко —
Все ли в доме спят?
Удивился он немножко,
Свечи в комнатах горят.
Вокруг ёлки хоровод
Дружно песенку поёт.
Рождество встречаем,
Гостей угощаем!

Зимние забавы

Дороз не велик, да стоять не велит, — приговаривал старый колокол, скатываясь с горки вместе с внучатами и их друзьями.

— Дедушка, а давай снеговика слепим! — весело кричит Динь.

— Да как же мы его слепим, когда снег вовсе не липкий, — рассудительно поправляет Дон.

— Пойдём-ка, внучек, со мной, — говорит старый колокол, направляясь к сараю в дальнем углу двора.

— Вот, бери эти три ведра. Для летних дел они не годятся, прохудились, а вот снеговика нам сделать помогут.

— Как это, дедушка? — спрашивает Дон.

— Как малыши куличики делают, — хитро прищурил глаз старик.

— Я поняла! — кричит Динь.

Взяла самое большое ведро, набила его снегом плотно-плотно и перевернула. Получился большой снежный куличик. Дон на него пристроил куличик поменьше, а сверху — самый маленький поставили. Получился снеговик хоть куда! Из веток сухих руки получились, из шишечек — глаза. Стоит снеговик, на ребячью забавы смотрит.

— Давайте мышке мостик мостить, — предложил Дон, — малыши в эту игру смогут поиграть, да и нам интересно тоже.

Все согласились. Ребята постарше быстро выкопали лопатками несколько ямок побольше и поменьше. Можно мышке дорогу мостить. Все дружно слепили по нескольку снежков. Теперь надо снежками кидать в подготовленные ямки, пока они до верха не наполнятся. Метко кидают малыши. Помогли мышке!

— А теперь — в репку! — просят внуки деда.

— В репку так в репку, — соглашается он.

Дед садится на лавку посреди двора. В руках у него две недлинные, сантиметров по 40, верёвки. Он начинает игру:

— Посадил дед репку...

Ребята подсказывают: поливал, сорняки полол, гусениц собирая, землю рыхлил. И показывают, как дед это делал.

— Выросла репка большая-пребольшая, — продолжает старый колокол и разводит руками. А в руках крепко держит верёвки.

— Тянет-потянет, вытянуть не может, — кричат ребята. И зовут по очере-

ди, как в сказке, бабку, внучку, Жучку, а можно и других героев, по числу играющих. Тянут, тянут, но крепко репка сидит. Вытянули репку! Куча мала! Хорошо в снегу побарахтаться!

— Во что ещё сегодня не играли? — спрашивает старый колокол у раскрасневшихся ребят.

— В следопытов! — кричат они.

— Давайте в следопытов, — соглашается дедушка.

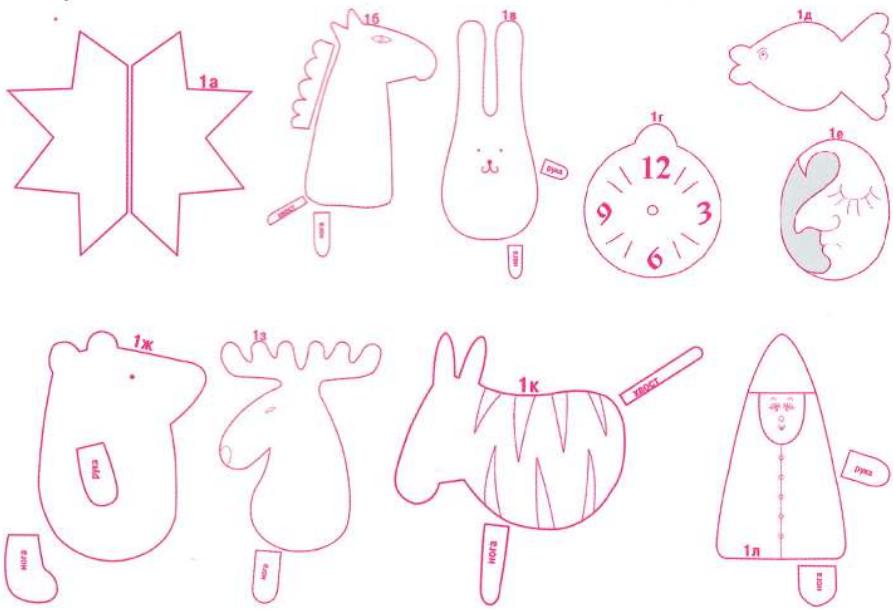
В больших валенках прямо по не-тронутому снегу шагает старый колокол. Остается за ним цепочка следов. Цепочка хитро запутана. Нелегко будет пройти по следам, ни разу не оступившись и не перепрыгивая. То узлом, то петлёй завернёт след. Идут цепочкой ребята, след распутывают. А дедушка уже давно на крылечке стоит, смотрит.

— Распутали след, молодцы. А загадку разгадали? — спрашивает он.

— Я разгадал, дедушка! — радуется Дон, — это не просто след, это слово. И написано было — мороз! Правильно?

— Правильно, внучек. Можете и вы друг другу такие слова загадывать. Кто быстрее всех по следам правильно слово прочтёт, тот и победитель.

Напоследок посостязались ребята в меткости, кто в сугробную яму с десяти шагов за минуту больше снежков закинет, скатились с горки в воротца из веток, чтобы не сбить веточки внизу ската, а прямо в них въехать, да побежали к дедушке пить чай с малиной.

Елочные игрушки из нарядной парчи

Размер: высота 9–15 см.

Вам потребуется:

- кусочки золотистой парчовой ткани; нитки для шитья в тон ткани;
- лоскутки различных цветных блестящих тканей;
- блестки, бисер и стеклярус для украшения; узкая атласная тесьма;
- белая тесьма шириной 1 см;
- толстая золотистая нить или шнурок;
- синтепон или вата в качестве наполнителя.

Раскрой (выкройки игрушек приведены в натуральную величину, все детали (кроме лица снегурочки) выкраиваются с припусками на швы 0,5 см):

Звезда. 2 половинки звезды из золотистой ткани и 2 половинки из ткани другого цвета.

Лошадка. Выкроить из золотистой ткани 2 детали туловища, 2 детали гребня, 2 детали хвоста и 8 деталей ног.

Зайка. Выкроить из золотистой ткани 2 детали туловища, 4 детали рук и 4 детали ног.

Часики и рыбка. Выкроить по 2 детали из золотистой ткани.

Месяц. Выкроить 2 овала (1 из зо-

лотистой ткани, 1 из голубой) и 1 левую половинку, залитую на рис. 1е серым цветом, из золотистой ткани.

Медведь. Выкроить из золотистой ткани 2 детали туловища, 4 детали рук и 4 детали ног.

Лось. Выкроить из золотистой ткани 2 детали туловища и 8 деталей ног.

Елочка. Выкроить 2 детали из золотистой ткани.

Зебра. Выкроить из золотистой ткани 2 детали туловища; из черной ткани 2 детали хвоста и 8 деталей ног.

Снегурочка. Выкроить из золотистой ткани 2 детали туловища, 4 детали рук и 4 детали ног; из ткани телесного цвета 1 деталь лица (перенести с рис. 1л).

Сначала нужно выполнить подготовительные работы: стачать половинки Звезды из разных тканей; на голубую деталь Месяца швом «зигзаг» настроить левую фигурную половинку из золотистой ткани; на переднюю деталь Снегурочки настроить лицо.

Затем нужно стачать мелкие детали игрушек (руки, ноги, хвосты), вывернуть на лицевую сторону и по желанию слегка набить синтепоном. После этого стачать основные детали игрушки, притачивая

при этом детали рук (для Снегурочки и Зайчика), гребня (для Лошадки) и хвостов (для Зебры и Лошадки), при этом оставить отверстие для выворачивания в том месте, где пришиваются ноги (или в любом другом для Звезды, Часиков и Месяца). Вывернуть игрушку на лицевую сторону, набить синтепоном и зашить отверстие вручную, вставляя детали ног.

Затем нужно украсить игрушки с использованием различных декоративных элементов (бисера, бусинок, стекляруса, тесьмы). Глаза, брови, рот можно вышить черной нитью или же нарисовать с помощью черной витражной краски (ею же удобно оформить полосы на туловище Зебры). С помощью белой тесьмы шириной 1 см на передней части Снегурочки оформить шубку, которую затем расшить золотым шнурком.

К верху каждой игрушки пришить петельку для навешивания.

Источник: журнал «Ксюша. Для любителей рукоделия»

